

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

ТОМ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

ИСТОРИЯ
О КАЗАНСКОМ ЦАРСТВЕ
(КАЗАНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

ТОМ XIX

ИСТОРИЯ
О КАЗАНСКОМ ЦАРСТВЕ
(КАЗАНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ)

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2000

ББК 84(2Рос=Рус)1-49
И 89

И 89 История о Казанском царстве. (Полное собрание русских летописей. Том XIX). — М.: Языки русской культуры, 2000. — IV-XL, 328 с.

ISBN 5-7859-0128-5

Необходимость репринтного воспроизведения издания «Истории о Казанском царстве» — историко-публицистической повести и выдающегося памятника русской культуры XVI века (известного также как «Казанская история», «Сказание о царстве Казанском», «Повесть о Казанском царстве»), — подготовленного Г. З. Кунцевичем в 1903 г., связана с его библиографической редкостью при сохраняющемся научном значении. Публикация учитывает последующие историко-текстологические исследования, базирующиеся на введенных в научный оборот новых списках, современных взглядах на происхождение и историю текста, новых классификациях списков. Уточняется датировка опубликованных списков, их современное местонахождение.

ББК 84(2Рос=Рус)1-49

© Л. А. Дубровина. Предисловие, 2000
© Издательство «Языки русской культуры».
Составление, 2000

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к изданию 2000 г.	IV
Предисловие к изданию 1903 г.	XXVIII
Перечень глав Казанского летописца (по основному тексту).....	XXXIII
ИСТОРИЯ О КАЗАНСКОМ ЦАРСТВЕ	
(Казанский летописец)	1
Лица и места	497
Опечатки и дополнения.....	530

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 2000 г.

История о Казанском царстве, или Казанский летописец (далее КЛ), — своеобразная историческая повесть XVI в., беспрецедентно известный в XVII–XVIII вв. памятник русской письменности, составленный анонимным автором и посвященный трехсотлетней истории Казанского ханства до завоевания его Иваном Грозным в 1552 г. Повествовательность КЛ послужила причиной одновременного существования еще нескольких его названий, как распространенных — «Казанская история», так и менее известных — «Сказание о Царстве Казанском», «Повесть о Казанском царстве».

Переиздание XIX тома ПСРЛ вызвано не только необходимостью представить читателю ставшее библиографической редкостью критическое издание КЛ, но и целесообразностью включить опубликованные списки в контекст последующих историко-текстологических исследований памятника на основе введенных в оборот новых списков, современных взглядов на происхождение и историю текста. Требуется уточнения датировка списков и их современное местонахождение.

Во время издания XIX тома ПСРЛ Г. З. Кунцевичу, подготовившему этот том к печати, было известно около 150 списков КЛ (им учтены КЛ около 200 библиографических ссылок в описаниях, однако многие из них ему не удалось перепроверить).

В настоящее время этот памятник известен в огромном по средневековым меркам количестве списков (их более 300), насчитывает значительную по объему библиографию его исследований и разные точки зрения на классификацию текстов списков. Вместе с тем издание, подготовленное Г. З. Кунцевичем, продолжает оставаться базовым для последующего изучения КЛ, несмотря на то что публикация списков осуществлялась и после выхода XIX тома ПСРЛ.

Причины распространения КЛ и постоянного научного интереса к нему обусловлены его особым местом в истории русской истории и культуры. В нем нашло отражение органичное соединение летописной формы, придающее ему вид государственно значимого произведения, опирающегося на широкий круг официальных источников, публицистического жанра, впитавшего весь опыт русской средневековой и переводной литературы, живого русского языка XVI в., а также широко популярной во все времена темы — восточной политики и освещения одного из центральных событий русской истории XVI в. — завоевания Казанского ханства как результата борьбы за укрепление Русского государства и самодержавия как его оплота. В значительной мере это и определило его воздействие на все слои русского общества на протяжении нескольких веков переписки и публикаций этого значительного по содержанию и объему памятника.

КЛ как нарративный источник был всегда весьма значим и для истории народов Среднего Поволжья. Автор КЛ, бывший казанский пленник, который провел при дворе казанских ханов 20 лет, открытый идеолог укрепления самодержавия, воспевавший Ивана Грозного, вместе с тем, лично симпатизирует многим татарам, а его расска-

зы как очевидца опираются на собственный опыт, передают колорит жизни казанских татар, изобилуют многочисленными подробностями и деталями, которых не сохранили местные источники.

По вопросу о личности самого автора, не назвавшего себя, но поместившего в предисловии автобиографические данные, до сих пор не существует однозначного мнения. Впервые предположение о принадлежности его к духовному званию было высказано В. Н. Татищевым, который изучал список с припиской, где в приписке указывалось имя священника Иоанна Глазатого¹. С. М. Шпилевский резко возражал против признания автора лицом духовным, поскольку тот получил в награду от Ивана Грозного удел, что было возможным только для служилых людей. Вместе с тем он предполагал, что Глазатый мог быть автором «Отрывка Русской летописи». Г. З. Кунцевич и Г. Н. Моисеева высказывались в пользу мнения С. М. Шпилевского, отмечая религиозную веротерпимость автора и близость мировоззрения к позициям дворянских публицистов. Н. В. Водовозов сравнивает судьбу автора КЛ с известным пресвитером Тимофеем Владимирским, который также принял мусульманство, перешел на службу к казанскому хану и был позднее прощен Иваном Грозным. По крайней мере, считает Н. В. Водовозов, духовное звание объясняет особое положение автора, принявшего мусульманство, при дворе казанского хана, а также его кругозор и широкую литературную подготовленность, которая была свойственна людям, изучившим досконально «священное писание и святоотческие творения», свободно владевшим церковно-славянским языком².

История текстологического и источниковедческого изучения КЛ и изданий его текста весьма насыщена. Зарождение интереса к КЛ в русской историографии относится ко второй половине XVIII ст., времени создания первых фундаментальных исторических исследований русской истории и истории Казанского ханства. Этот период характеризуется прагматическим подходом к письменным источникам, и в условиях дефицита источников по истории Казанского ханства КЛ рассматривался прежде всего с точки зрения «добывания фактов». Некритическое и обширное использование сведений КЛ по истории взаимоотношений Казанского ханства и Русского государства характеризует первые исторические сочинения популярного характера, прежде всего Н. Баженова, И. Михайлова, Н. П. Загоскина, А. И. Лызлова и П. И. Рычкова³.

В. Н. Татищев, М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин включали отдельные сведения КЛ в свои фундаментальные исторические труды достаточно осторожно в тех случаях, когда описываемые в КЛ события отсутствовали в летописях. В результате распространения многочисленных списков КЛ позднего происхождения и компилятивных по составу, целый ряд историков XIX в. отказывается использовать фактический материал КЛ⁴. Определенное отрицательное воздействие на историков оказала и первая, неудачная в археографическом отношении, публикация КЛ, которая была осуществлена в 1791 г. И. Г. Стриттером по двум спискам из собрания Московского архива Министерства иностранных дел: «История о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия по двум старинным спискам» (СПб., 1791). Опубликованное без

каких-либо комментариев, с воспроизведением текста в современной орфографии, оно повторило все дефекты и ошибки списков и добавило новые.

Две последующих попытки издания списков КЛ прекратились, едва начавшись, на страницах местных журналов: «Казанского вестника» в 1810 г. и «Симбирского сборника» в 1848 г. и поэтому не оказали влияния на научное изучение КЛ.

Новая волна возрождения интереса к КЛ и начало серьезного источниковедческого и текстологического исследования памятника относятся к концу XIX — началу XX в., когда в Казани и в Санкт-Петербурге готовятся два издания памятника. Первое из них было приурочено к 350-летию взятия Казани: «Сказание о зачатии царства Казанскаго и о победах великих князей московских со царями казанскими преславно содеянных, и о взятии того царства Казанскаго от благочестиваго государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, всея России самодержца» (Казань, 1902). Издание осуществлялось Казанским университетом по списку, принадлежащему Ф. Т. Васильеву, и на его средства. Предисловие, указатель имен и краткое родословие монгольских и татарских ханов были подготовлены знатоком истории Казанского ханства Н. Ф. Катановым. Передача текста осуществлялась по принципу полного воспроизведения источника с сохранением его орфографии, ошибок, нумерации листов, с палеографическим описанием, копиями филиграней, что имеет сегодня большое научное значение, поскольку местонахождение списка Ф. Т. Васильева в настоящее время установить не удалось. В предисловии содержались некоторые разъяснения по поводу написания татарских нарицательных имен и слов, родословный список татарских ханов, выборочная литература для интересующихся историей Казанского ханства.

Настоящее издание связано с деятельностью Императорской Археографической комиссии. Еще в 70-х годах XIX в. подготовка издания была поручена А. Е. Викторову, однако вскоре была приостановлена, а затем передана в руки магистранта Императорского Санкт-Петербургского университета Г. З. Кунцевича. Была проведена огромная поисковая работа по учету и изучению списков КЛ, собрана значительная библиография о списках КЛ (выявлены ссылки и упоминания о 194-х списках в государственных хранилищах и частных собраниях). Г. З. Кунцевич визуально просмотрел около 100 списков, отбирая наиболее интересные для публикации, палеографически и текстологически исследовал их с позиций достижений науки конца XIX — начала XX в. Правда, поскольку Г. З. Кунцевич о некоторых списках судил исключительно по библиографическим ссылкам, часть списков была отнесена к КЛ ошибочно, а последующая судьба некоторых неизвестна. В настоящее время удалось идентифицировать только 151 из указанных Г. З. Кунцевичем списков⁵.

Одновременно Г. З. Кунцевич подготовил фундаментальную монографию, которая тесно связана с изданием рукописей КЛ, вышедшую двумя годами позже — в 1905 г. В ней подробно рассматриваются списки КЛ, анализируются содержащиеся в нем сведения общей русской истории и Казанского ханства, высказываются предположения об источниках, положенных автором в основу КЛ. Г. З. Кунцевич проводит текстологический анализ находящихся в его распоряжении списков, классифицирует их на де-

вать редакций и выделяет три наиболее древние по тексту, существенно отличавшиеся от ранее известных и опубликованных списков. Монография объясняет принципы выделения текстов для публикации в составе XIX тома ПСРЛ и разделение его на две части.

Две ранние редакции, известные в трех списках, по мнению Г. З. Кунцевича наиболее близки к протографу и отличались по содержанию текста тем, что композиционно, стилистически и идеологически представляли единое целое. Они незначительно переработаны по сравнению с предполагаемым авторским протографом, который не сохранился. Все эти списки он представляет в XIX томе ПСРЛ, в его первой части (стб. 1–183). Соловецкий список как основной: РНБ, Соловецкое собр., № 42 / 1501; в разночтениях – Срезневский: БАН, собр. И. И. Срезневского, № 24.5.9; Буслаевский список: РНБ, Q.IV. 209).

На основании реалий текста этих редакций Г. З. Кунцевич определяет время составления КЛ – 1564–1566 гг. – и вероятный круг его источников, среди которых: Хронограф 1512 г. русской редакции, Никоновская, Новгородская IV, Воскресенская, Софийская II и Львовская летописи, Летописец Начала царства, разрядные книги, космография, обширная духовно-религиозная литература, татарские предания и легенды. Ранние редакции (I и II), по мнению Г. З. Кунцевича, были составлены до 1573 г. Из ста существующих глав (число глав, за исключением кратких редакций, незначительно колебалось в зависимости от последующей переработки текста) главы «О взятии Великаго Новаграда», «О послех от царя пришедших» и «О конечном запустении Златия Орды» и заключительная «Похвала царю и великому князю», существующие в тексте II редакции, по мнению Г. З. Кунцевича, не могли быть в авторском протографе⁷. Однако при публикации XIX тома им были учтены тексты, представляющие обе редакции, а отсутствующие в тексте I редакции (Соловецкий список: РНБ, Соловецкое собр., № 42 / 1501) указанные главы восполнялись по списку II редакции (Буслаевский список: РНБ, Q.IV. 209).

Другие семь редакций (III–IX) восходили к протографу, где практически половина текста первоначальной редакции после главы «Совет царя и великого князя с бояры», как предполагал Г. З. Кунцевич, была заменена по идеологическим соображениям компиляцией из Степенной книги, «Отрывка русской летописи» (ПСРЛ, т. VI) и других источников (среди которых Грамота митрополита Гермогена патриарху Иову о казанских мучениках Иване, Петре и Стефане). Протограф этих редакций создавался после 1592 г. (времени составления грамоты митрополита Гермогена, вошедшей в состав поздних редакций). В нем изъяты не соответствующие официальным представлениям 90-х годов XVI в. сведения, характеристики событий и отдельных лиц. Как считал Г. З. Кунцевич, поздние редакции отличались только набором позднее добавленных из Степенной книги глав и их переработкой. IX редакция (Краткий Казанский летописец) создавалась в конце XVIII в.⁸ Г. З. Кунцевич убедительно показал, что знакомство с такими списками и давало основания для утверждений многих историков о «баснословности» и «компилятивности» КЛ.

Такой противоречивый состав текста списков КЛ ранних и поздних редакций вызвал у Г. З. Кунцевича необходимость разделения публикации памятника в XIX томе ПСРЛ на две части, положив в основу два типа текста — как оригинального, так и с компилятивной частью текста после главы 49 — «Совет царя и великого князя с бояры».

В основу второй части XIX тома (стб. 188–337) положен Ундольский список (У.), датированный Г. З. Кунцевичем концом XVI — началом XVII в., который предположил, что он отражает древнейший из известных ему списков разных редакций КЛ текст (уточненная датировка — 20–30-е годы XVII в.: РДБ, ф. 310, собр. В. М. Ундольского, № 774.) Выбор списков для разночтений определялся не столько редакциями и разрядами, сколько наиболее исправными текстами. Разночтения приводятся по 7 спискам: РНБ, F.IV.134. (вар. П.); РНБ, Погодин., № 1444 (вар. Хр.); РГБ, ф. 173 (фунд.), № 98. (вар. М.); БАН, 34.6.64. (вар. А.); РНБ, Q. IV.170 (вар. В.); РГАДА, ф. 181, № 95 (вар. Д.); РНБ, Погодин, № 1484 (вар. Пг.).

Следует отметить, что это издание вызвало необычайный интерес не только со стороны историков⁹, но и со стороны литературоведов и лингвистов и положило начало специальному филологическому изучению жанра, стиля и лексики КЛ¹⁰. Филологи начали активный поиск литературных источников КЛ. А. С. Орлов, изучавший беллетристику XVI–XVII вв., обнаружив сходство в судьбах автора КЛ и Искандера, автора «Сказания о взятии Царьграда турками» (или Повести Нестора-Искандера о взятии Царьграда), высказывает предположение о заимствованиях неизвестного автора КЛ из Повести Нестора-Искандера, а также из позднейших летописных сводов. Он же обращает внимание на знакомство автора со Сказанием о Мамаевом побоище¹¹.

Дальнейшее текстологическое исследование списков памятника, состава, содержания и художественных особенностей принадлежит Г. Н. Моисеевой, которая вводит в научный оборот значительное количество неизвестных Г. З. Кунцевичу списков (около 60-ти). Уточняя круг источников (включив в их состав послания А. М. Курбского, посольскую переписку, местнические дела (суды), родословные книги и др.) и время возникновения КЛ (1554–1555 гг.), Г. Н. Моисеева опротестовывает суждение А. С. Орлова о заимствованиях КЛ, высказывая доверие к автобиографическим данным, подтвержденным самим повествованием¹². Г. Н. Моисеева называет 79 новых списков, однако среди них есть и описанные Г. З. Кунцевичем в его монографии¹³.

Придерживаясь той точки зрения, что редакцией можно считать не любое сознательное изменение текста, а только то, что существенно меняет политическое назначение памятника, Г. Н. Моисеева разделяет списки на две редакции, а внутри второй выделяет 7 групп в зависимости от окончания КЛ. В особую группу выделены списки, часть текста которых утеряна. II редакция соответствует III–IX редакциям Г. З. Кунцевича, и по мнению Г. Н. Моисеевой, возникает после 1592 г. и характеризуется «политической» переработкой текста, когда вторая, оригинальная половина текста заменяется указанными официальными источниками. В целом основные выводы относительно времени создания ранних и поздних редакций у Кунцевича и I и II редакций у Моисеевой близки друг другу.